

Александр Биршейн

Тут сейчас институт Филатова

«У нас в Одессе были «бани Исаковича» с номерами, куда папа водил нас, детей, купаться в том случае, если квартира была без ванны. Помню эти «бани Исаковича» – семейные номера, – куда мы ездили сначала на конке, а впоследствии на электрическом трамвае, уже вечером, когда в городе горели фонари, отражаясь в мокрой мостовой. Коридор, тусклый от пара, и какие-то мутные, особые, «банные» зеркала...»

Валентин Катаев. «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»

Знаменитые бани Исаковича на Преображенской угол Кузнечной радовали горожан и внешним видом, и удобствами, предоставляемыми посетителям. Баня Исаковича состояла из двух зданий, соединенных общим двором, – Преображенская, 45, и Кузнечная, 57.

Бани построил и оборудовал Самойло Исакович, сын основателя караимского рода Исаковичей, которым был Исаак, сын Шеломо (1765-1826), – коренной житель Крыма, философ, богослов, филолог, астроном, врач и литургический поэт.

Самойло Исаакович был женат на караимке Рахили Семеновне Мангуби (1861-1930), красивой, образованной и умной женщине, которая подарила ему двоих детей – сына Александра-Даниила и дочь Анну.

Именно Александр Самойлович Исакович возглавил семейное дело после трагической гибели Самойло (Самуила) Исааковича Исаковича.

Может возникнуть вопрос: а зачем я так подробно рассказываю об этом семействе?

Отвечаю: именно Александр Самойлович и Анна Самойловна Исаковичи были владельцами участка 49 на Французском бульваре. Люди они незаурядные, сыгравшие большую роль в истории нашего города.

Хотя... Если говорить об Анне Исакович, то она сыграла скорей большую роль в истории мировой культуры. Анна Самойловна Исакович родилась в Одессе 4 июня 1886 года. В Одессе она получила только среднее образование, а совершенствовала его в Петербургской консерватории, причем и по классу фортепиано, и по классу пения. В двадцать два года она уже гастролировала в Лондоне, где профессор Артур Никиш пригласил ее участвовать в своем концерте. Тогда же Анна приняла сценическое имя Эль-Тур. Затем было турне по Англии, причем со знаменитым скрипачом Яном Кубеликом. Она смогла познакомить публику с произведениями Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова. Она вернулась в Россию в 1909 году и выступила в концерте Общества друзей музыки в Петербурге. Об огромном впечатлении, которое произвело на слушателей искусство исполнительницы, можно судить по словам известного композитора Цезаря Кюи, с которыми он обратился к Анне: «Поздравляю вас. Я уверен в ваших выдающихся дальнейших успехах. У вас для этого есть все: голос, прекрасная школа, редкая музыкальность, захватывающий темперамент и, наконец, выдающийся декламационный талант».

В 1919 году Анна втайне через Сибирь навсегда покинула Россию. По дороге в Европу дала ряд концертов в Китае, Индии, Бирме, на Филиппинах, островах Ява и Суматра. Позднее концертировала в Германии, там же преподавала с 1922 по 1925, после чего перебралась во Францию, где прожила до 1948 года. Покинув Париж, она стала профессором Амстердамской консерватории. В Голландии же она и умерла 30 мая 1954 года.

Много трагичнее сложилась жизнь ее брата Александра Самойловича Исаковича. Он родился в Одессе. Окончил Одесское коммерческое училище. Поступил в Дрезденский политехникум, где пробыл два семестра и перевелся в Императорское Московское техническое училище, но за полгода до выпуска вернулся в Одессу, где застал больную мать и смерть отца.

В связи с этим, став единственным кормильцем в семье, вынужден был покинуть училище и заняться делами оставленной после трагической смерти отца водолечебницы. Александр Самойлович Исакович принимал участие во многих ученых обществах и съездах и, конечно, был владельцем семейного дела – бань, превратившихся в лечебное гидropатическое заведение. После октябрьского переворота Александра Самойловича приютил у себя на улице Гоголя, 9, квартира 4, профессор Филатов, институт которого был построен как раз на месте реквизированного у семьи дачного участка. Однако это особо не помогло. Александр Самойлович Исакович, 1883 года рождения, уроженец г. Одессы, был приговорен 5 июня 1938 года к расстрелу; приговор приведен в исполнение.

Вообще, семьи Исаковича и Филатова связывала большая дружба. Так получилось, что и после гибели Александра Самойловича Исаковича эта связь не оборвалась. Дело в том, что знаменитая клиника Филатова была построена на месте бывшей дачи Исаковичей.

Но об этом чуть позже.

На месте будущей клиники Филатова был еще и... стадион. Вернее даже, футбольное поле. Да-да! На месте современного Института глазных болезней и тканевой терапии имени В. Филатова было футбольное поле местного «Спортинг-клуба», команда которого выступала тогда в Одесской футбольной лиге. В команде блистал Григорий Богемский. Был там еще один футболист, имя которого известно во всем мире. Это Юрий Карлович Олеша.

Григорий Григорьевич Богемский (1895-1957) – футболист из Одессы, выступавший за местные клубы «Вега» и «Спортинг-клуб», а также за сборную Российской империи.

В игре «...принимал участие тощий, золотушного вида рিশельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь – «нападающий века», «суперстар» мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшекласником и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице. Его имя до сих пор легенда футбола» (В. Катаев. «Алмазный мой венец»).

«И подумать только – этот человек с неспортсменской наружностью – такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он еще на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой... И не только в Одессе – в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих – умение водить. Гораздо позже я узнал, что это умение водить называется дриблинг. О, это было одним из самых захватывающих зрелищ моего детства, кричавшего вместе со всеми в эту минуту, вскакивавшего, аплодирующего...» (Ю. Олеша).

После Октябрьской революции Богемский эмигрировал сначала в Болгарию, потом в Чехословакию, где выступал за клубы «Русь» и «Виктория». Завершил карьеру в 1927 году.

«Я играл вместе с Богемским, – сразу, как к давнему знакомому, обратился ко мне Юрий Карлович, при этом он уставился на меня своими серыми глазами, как бы фиксируя мою реакцию, верю я или не верю в то, что он действительно играл «с самим Богемским», да и вообще, знаю ли я, кто такой Богемский» (Андрей Старостин).

«Встречи со сверстником»: «В юности мы встречались на футбольной площадке. Маленький и шустрый гимназист Олеша играл за свою Ришельевскую гимназию в пятерке нападения, и я помню день его славы, когда в решающем матче на первенство гимназической лиги Олеша забил гол в ворота противника. Это был точный красивый мяч с позиции крайнего правого... Маленький и быстрый форвард, пробежав по краю зеленой площадки и ловко обведя противника, точным ударом вбил гол. Аплодисменты...» (Сергей Бондарин).

Но время шло. И на месте дачи Исаковичей и футбольного поля возникло лечебное заведение, известное во всем мире.

Сейчас на территории бывшей дачи размещены:

Административно-хозяйственный корпус института им. В.П. Филатова, 1953, архитектор Б.И. Поздырко. Памятник В.П. Филатову работы скульптора А.А. Ковалева.

Лабораторный корпус, 1970-е, архитекторы С.П. Хапонен, Е.И. Прокопов.

Главный корпус, 1939, архитекторы М.А. Кац, Л.Л. Кордонский и М.А. Шлифер.

Амбуланс, 1952, архитекторы Н.А. Шаповаленко и Ж.М. Гружевская.

В 2004 году на участке построен жилой дом, архитекторы М.Г. и Д.М. Повстанюк, инженер В.О. Катунцевская.

Институт глазных болезней и тканевой терапии им. В.П. Филатова Национальной академии медицинских наук Украины был создан 4 апреля 1936 года усилиями выдающегося ученого-офтальмолога, академика Владимира Петровича Филатова. С момента своего создания и по сей день институт является одним из лидеров мировой медицинской науки и практической медицины.

В 1938 Владимир Петрович Филатов одним из первых в мире провел успешную операцию по пересадке роговицы. В послевоенные годы у многих людей развивались бельма после ранений, они слепли. Поэтому пересадка роговицы давала им уникальный шанс сохранить зрение. Последствия войны подтолкнули В.П. Филатова еще к одному изобретению – «шагающему филатовскому стеблю». Поскольку на голове человека существует дефицит кожи, то доставить ее к месту операции нужно было, например, с плеча. Для этого отрезался прямоугольный лоскуток кожи. Затем его как бы перекладывали в направлении предстоящей операции и пришивали. Когда лоскуток приживлялся, операция повторялась. Казалось бы, удивительно простое решение! Но оно стало поистине революционным.

Академик В.П. Филатов возглавлял институт с 1936 по 1956 годы. За свою долгую жизнь академик воспитал целую плеяду выдающихся ученых, среди которых – академик Н.А. Пучковская, руководившая институтом после смерти Филатова в течение 29 лет, профессора Б.С. Бродский, С.Ф. Кальфа, В.В. Войно-Ясенецкий, З.М. Скрипниченко, Н.И. Шпак, С.А. Бархаш, А.И. Пахомова и многие другие.

Он всегда мечтал, чтоб ученые жили как бы вместе, в одном дачном коллективе. Эту свою мечту изложил он при встрече И.В. Сталину. И тому эта мысль понравилась.

Стоп! Стоп! Стоп!

Как это может быть? Недавний эзк встречается со Сталиным? Более того, недавнему эзку строят институт в лучшем районе города!

Это невероятно! Но ведь было!

А началось все 20 февраля 1931 года, когда профессор медицинского факультета Императорского Новороссийского университета с 1911 года, а затем – Одесского медицинского института, заведующий кафедрой глазных болезней Владимир Петрович Филатов был арестован органами ГПУ. В.П. Филатов обвинялся в принадлежности к военной контрреволюционной организации, ставящей своей целью насильственное свержение советского строя.

Допросы В.П. Филатова проходили довольно странно. К нему не применялись «особые» методы убеждения, более того, протоколы допросов не были заранее заготовлены, их писал сам подследственный.

Через два месяца В.П. Филатов был освобожден. По версии следствия, нахождение обвиняемого на свободе не могло влиять на ход следствия. Позднее он был переквалифицирован в свидетели, а следствие тихо умерло.

Есть и другая версия. Или легенда. В Кремле понадобилась срочная операция. Кому? Точного ответа нет. Но Филатов из бывшего обвиняемого превратился в директора огромного института, построенного в самом престижном районе города. Более того, встретится со Сталиным.

Дикая версия? Возможно. Но я в нее верю. И вот почему. В 1931 году выдающиеся, мирового уровня открытия В.П. Филатова, в частности пересадка роговицы, были еще впереди. Да, он был крупным офтальмологом, профессором, но сколько ученых, тоже выдающихся, сгинули в застенках ГПУ-НКВД-КГБ! Да, были случаи, когда выдающихся ученых и военачальников выпускали из застенков. Но это было в период 1941-45 гг., когда силами тех же органов и их пахана обороноспособность страны была катастрофически подорвана. Но в 30-е годы?! И еще: практически все люди, чьи имена были названы на допросах В.П. Филатова, погибли в 1937-38 гг.

Нет! Это не бросает тень на выдающегося ученого и человека Владимира Петровича Филатова. Это говорит о времени, страшном времени всеислия органов и их пахана.

А теперь вернемся к бывшему участку Исаковичей. До того как на этом месте возник коллектив научных работников, тут, естественно были дачи. Сперва их было три. Участок бульвара между Шампанским переулком, которого тогда не было, а был проезд, который так и назывался – «Проезд на дачу...», и нынешним переулком Кренкеля (ранее – Девятый переулок) был поделен на три части. В 1911 году владельцами были г-н Тепер, Л. Цимерман и Перец. Несколько позднее участок Л. Цимермана перешел к Александру Руссову, о котором хочется напомнить.

Александр Петрович Руссов (1847 – 22 июля 1908, Одесса, Херсонская губерния, Российская империя) – российский предприниматель, купец 1-й гильдии, миллионер, меценат и коллекционер, потомственный почетный гражданин Одессы.

Собирание коллекции живописи, в основном работ русских художников, а также художников южнорусской школы, было даже не хобби, а скорей потребностью души А. Руссова. Он построил по адресу Торговая, 2, картинную галерею, где хранил картины. Более того, доступ в галерею был открыт для публики. Экспонировались полотна И. Айвазовского, И. Репина, И. Левитана, И. Шишкина, К. Брюллова, К. и В. Маковских, В. Верещагина, А. и В. Васнецовых, П. Соколова, А. Бенуа, Н. Ге, Л. Пастернака, Ю. Клевера, К. Коровина, В. Кандинского, лучших представителей так называемой южнорусской школы – К. Костанди, П. Нилуса, Г. Головкова, Н. Кузнецова, Т. Дворникова, Р. Судковского и других. Были здесь и картины зарубежных авторов, прежде всего, французских, саксонский и северо-русский фарфор, разнообразный антиквариат. Всего 850 полотен.

Семья Руссовых долгие годы занималась предпринимательской деятельностью. Основу состояния семьи составляло овцеводство, торговля вином и земледелие в Бессарабской, Пермской и Самарской губерниях. Отец Александра Петровича Петр Степанович Руссов был городским головой Аккермана, общественным деятелем и благотворителем. В Одессе Руссовы владели большим количеством недвижимости.

Верхом домовладения был так называемый и сейчас дом Руссова. В 1897 году на Садовой улице началось строительство большого четырехэтажного дома для самых состоятельных слоев населения. Архитектор Шмидт.

Руссов поддерживал начинающих художников, создал фонд для нуждающихся художников, оказывал денежную помощь благотворительным заведениям, способствовал развитию яхтенного искусства, учреждал именные стипендии для курсантов Училища торгового судоходства.

22 июля 1908 года В.П. Руссов умер, после чего был похоронен в семейном склепе на Первом городском кладбище. Наследство оценено в 10.000.000 рублей, в том числе собрание картин – в 1.000.000 рублей. Дом на Садовой был продан наследниками сразу после смерти В.П. Руссова, другие дома оставались в их собственности до самого октябрьского переворота.

Мне кажется более интересной судьба участка в советское время.

Как я уже говорил, Сталин одобрил идею создания дачного коллектива научных работников. Так возникли на Французском бульваре в Одессе, как теперь говорят, комплекс-лечебница плюс жилой дом для сотрудников и дачный массив, устроенный по лучшим проектам того времени. В центре подрастала березовая роща (редкость для Одессы!), были буфет-столовая, где подкармливали научных работников, прачечная, аллеи для променада, лужайка для спортивных игр и (о счастье!) одноэтажные домики, не более ста квадратных метров, где каждый ученый обустроил свой рабочий кабинет. Мечта, правда?

Для кого как!

Если учесть, во что превратились дачные участки в наше время. От прежних дач не осталось и следа. Зато выстроены дворцы, больше похожие на провинциальные театры среднесоветского периода. С колоннами, разумеется. Березовая роща вырублена – земля нынче дорога. Особенно тут. Ученых почти не осталось. Куда им... Как все оно выглядело, можно еще увидеть на даче-музее академика Филатова, которая пока жива и ведет активную просветительскую работу. Как жаль! Городок науки исчез. Жизнь же его коллектива – это история науки нашего города, а через нее и история страны, данная в бесценных свидетельствах. Ведь тут жили академики В.П. Филатов и М.А. Ясиновский, члены-корреспонденты В.П. Цесевич и Ю.А. Карпенко, профессора М.С. Беленький, Ф.А. Волынский, В.А. Добровольский, Г.С. Леви,

В.В. Маляров, А.И. Скродцкий, И.М. Срибнер и другие. Тут жил выдающийся лирический тенор Артур Айдинян, скрипач Д. Покрас. Если бы не сопротивление городских партийных властей, тут жил бы и большой писатель, любимый одесситами Константин Паустовский, мечтавший купить дачу у профессора В.М. Рекача...

Я жил в этом коллективе два года. Давно. Еще в 80-е... Мы снимали комнату у дочери профессора Я.Ю. Карпуна. Соседнюю комнату занимала семья режиссера Иосифа Львовича Берковича. Раз-другой в неделю к нам с Иосифом Львовичем приезжали друзья – Зорик Аврутин и Додик Макаревский. Впрочем, Додик не играл, а «болел». Но об этом позднее.

Несколько вечеров проводили мы неподалеку, у Изабеллы Григорьевны (Бебы) Леви. Там по вечерам всегда было людно. Приезжали актеры театров Жадушкина, Дубровская, Барда-Склярченко, артистка филармонии Лена Строганова, заходили соседи Ясиновские, Карпенко, Спокойные, Айдиняны... Общались...

Да в дачном коллективе с трудом, но все еще сохранялись какие-то по-особому учтивые, теплые отношения. Но уже мелькали, пока только мелькали, чужие, не снабженные интеллектом лица, уже возводились заборы, запрещенные уставом, уже бросались на ограду недобрые псы.

А доброе прошлое уходило...

– Ты не забыл? – встречает меня у калитки сосед и друг, режиссер театра Дома офицеров Иосиф Львович Беркович. – Вечером приедут Зорик и Додик!

Ох, эта летняя привычка полузажиточных одесситов снимать дачу! (Зажиточные дачу имеют. Им легче!) А тут ютись в одной комнате вчетвером. Одно в жизни удовольствие – преферанс по вечерам.

– Не забыл! – радуюсь я.

Зорик Аврутин, завлит и режиссер театра оперетты, и вообще на всю голову театральный человек – наш третий в преферансе!

А Додик Макаревский, актер, кавээнщик и... инженер – болельщик. В преферанс он не играет, а просто сидит и смотрит. Мы его любим! Хотя... Глупость сказал! Додика любят все!

Зорик приехал один. Додиду надо было куда-то пойти с папой. А это святое!

За пулю сели часов в десять, когда домочадцы уже почти угомонились. Стол под абрикосом, лампа на длинном шнуре свисает с ветки, лист бумаги... Ручка у каждого своя. Она – часть фарта. А кто станет делиться фартом во время карточной игры?

– Что играем? – спрашивает Беркович.

– Сочинку! – отвечает осторожный Зорик.

– Финку! – одновременно выпаливаю я.

Проголосовали. За сочинку двое. Значит, так тому и быть!

Играем по маленькой. Полкопейки за вист. При нашем среднем, но вполне терпимом уровне проиграть или выиграть можно рубля два-три. Даже меньше! Но! Все дело в процессе. И в общении, конечно! О, общение, как по мне, лучшая часть нашей игры. И Зорик – Зоринька, как называет его жена Иосифа Львовича Нина Иосифовна – знает массу людей и массу историй. У него толстая записная книжка, перетянутая резинкой, где хранятся адреса и телефоны, наверное, всех людей, причастных к театру. И все его любят.

И Иосифа Львовича, Юзика, как называют его некоторые, тоже любят. Он добрый и светлый. И спектакли у него добрые. Интересные и добрые.

Сидим, шлепаем картами, разговариваем, ругаемся. А как же! Вон Зорик под играющего с туза пошел! Разве это можно простить?

Нам приносят чай, бутерброды. Едим, пьем, играем...

Пулю заканчиваем часа в два ночи. Пока расписали – полтретьего. Уговариваем Зорика остаться ночевать. Но он – ни в какую.

– Мама будет волноваться!

– А еврей любит маму! – в который раз шучу я.

Беру с собой литровую банку, и мы идем провожать Зорика.

На Французском, а тогда Пролетарском, бульваре ни одной машины. Если не считать двух – «газика» и «жигуля» – у проходной завода шампанских вин.

– Затариваются! – понимающе переглядываемся мы.

– Зорик! А по шампанскому?

Зорик задумывается, но появляется поливальная машина, и Зорик машет ей обеими руками. Поливалка останавливается, и Зорик вступает в переговоры с водителем. Потом садится

в кабину и прощально машет рукой. Поливалка уезжает, а мы с Иосифом Львовичем остаемся на пустом бульваре. Потом плечо к плечу переходим через дорогу.

– Что надо? – вопрошает сонный сторож завода.

Вместо ответа протягиваю ему три рубля и банку.

– С газом или без газа? – добреет сторож.

Какой же дурак станет пить шампанское с газом?

Возвращаемся на дачу. Лампа все так же освещает стол и расчерканный лист пули. В углу стола кружки от чая. Почти чистые. Споласкиваю их небольшим количеством вина. Садимся за стол, наливаем. Вино холодное и очень-очень вкусное. Не станут же сторожа торговать всякой дрянью. Клиентов растеряют!

Сидим. Пьем. Медленно и тихо разговариваем...

Огромные мохнатые звезды, свесившись сверху, наблюдают за нами. И подслушивают! Порой их забавляет то, о чем мы говорим. Тогда они шуточно подмигивают.

Ночь на Французском бульваре неохотно вступает в свои права.

